

Мясоедов Александр Дмитриевич

**Миг любви. Сверхсметный
доход. Домашняя дичь. Быль.
Два месяца во французской
деревне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Дмитриевич М.**
Миг любви. Сверхсметный доход. Домашняя дичь. Быль. Два месяца во французской деревне / Мясоедов Александр Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 165 с.

ISBN 978-5-519-98474-4

ISBN 978-5-519-98474-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

какъ бы обрадовавшись, произнесла—Дарья Ивановна.

-- А фамилія?

— Столярова.

— Ну вотъ мы съ вами и знакомы, вмѣстѣ поѣдемъ, а тамъ, можетъ, попадемъ на тотъ же пунктъ. Вы что же, по христіанскому чувству?

„Пунктъ“, „христіанское чувство“—все это было далеко неясно для вопрошаемой, но надо было отвѣчать, и она нѣсколько разъ бессознательно повторила „да“.

— Хорошее дѣло, за него Богъ наградить, произнесла Семенова, съ улыбкою, еще болѣе искажившею ея черты.—А я уже давно иду по этой дорогѣ, съ пятнадцати лѣтъ служу въ больницѣ.

— Почему же вы туда собрались?

— Славянскій комитетъ предложилъ, я и согласилась, надо поучиться, попривыкнуть, говорить, скоро и у насъ война будетъ.

— У насъ?

— Ну да, вѣдь теперь это только начало, а потомъ и мы поѣдемъ.

Обѣ умолкли. не зная о чемъ больше говорить, хотя и сознавали, что на этомъ разговоръ прерваться не можетъ. Одна понимала, что на вѣжливость слѣдуетъ отвѣтить тѣмъ же, а другой самой хотѣлось поболтать. Заскрипѣли тормоза, поѣздъ пошелъ тише, а потомъ и совсѣмъ остановился.

— Станція! и какая хорошенькая! произнесла Семенова, отстраняясь отъ окна, чтобы дать спут-

видѣ возможность полюбоваться тѣмъ, что ей нравилось.

— Красивая, отвѣтила Столярова, нехотя нагибаясь.

И опять молчаніе, а говорить необходимо и есть о чемъ. Каждая возбуждала любопытство другой: зачѣмъ ѣдетъ, кто и что побудило на это, чѣмъ жила прежде, какой среды, кого знаетъ? Но какъ объ этомъ начать, нельзя же такъ прямо спросить, а любопытство гложетъ... „Такая хорошенькая, отлично одѣта, платье хоть и черное, но изъ хорошей матеріи, и браслетки на рукахъ и кольца, ну вотъ это уже совсѣмъ лишнее: какъ надѣла передникъ съ крестомъ, такъ ужъ все это надо долой... да, долой“.

„Господи! какъ дурна, какъ же ей за больными ходить, вѣдь всякій испугается, и лицо-то грязное, — впрочемъ нѣтъ: руки чисты, и шея тоже, волосы причесаны, платье безъ пятенъ. да она отлично сложена, а зубы, какъ фарфоръ, и голосъ такой нѣжный; а эта яма на щекѣ, а голыя вѣки...“

— Вы смотрите на мое лицо? спросила Семёнова.

Столярова смутилась и покраснѣла.

— Ахъ, что вы, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, залепетала она.

— Да ничего, я къ этому привыкла, что же дѣлать? Видно такъ суждено. Ужъ и какъ больна то я была, едва выжила. Присмотра не было, чемъ салась.—ну вотъ я стала такой.

— Я право совсѣмъ не...

— Чтò же и уродамъ на свѣтѣ есть мѣсто.

— Чтò вы, госпожа Семенова?

— Просто Семенова, какая тамъ госпожа.

— Да какъ васъ звать по отчеству?

— Вѣра Николаевна.

— Право же Вѣра Николаевна...

— Хотите звать по имени, зовите просто Вѣ-
рочкой.

— Тогда и вы зовите меня Дашей.

— Вотъ и отлично.

Обѣ улыбнулись, одна красиво, пріятно, другая, какъ могла, какъ позволяло изуродованное лицо, но уже не производя на спутницу прежняго отталкивающаго впечатлѣнія. Поездъ подъѣхалъ къ границѣ. Жандармы ждали его на платформѣ, отворились дверцы, и блюстители порядка вошли въ вагоны. Началась провѣрка паспортовъ, съ вырываніемъ листовъ „о выѣздѣ“, съ пристальными взглядами прямо въ лицо ѣдущимъ. Затѣмъ все пришло въ прежній порядокъ, и поездъ снова тронулся.

— Сейчасъ таможня, объявила Семенова.

— А у васъ что-нибудь есть?

— Нѣтъ. Только платье, да бѣлье.

— Стало быть и бояться нечего.

На границѣ все обошлось благополучно, багажа сестеръ милосердія даже не осматривали.

— Чтò тутъ? справлялась таможенная служба на ломаномъ русскомъ языкѣ.

— Врачебные инструменты, отвѣчала Семенова за обѣихъ.

— Какіе?

— Разные.

Чиновники смѣялись и пропускали. Чрезъ три часа звонокъ далъ право садиться въ поѣздъ, совсѣмъ не такой, какъ русскіе: другаго вида, формы и цвѣта, съ боковыми входами въ вагоны, узкими скамьями, черномазыми усатыми кондукторами.

— Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ! суется кричала Даша.

— Разумѣется вмѣстѣ, отвѣчала Семенова, пропуская спутницу впередъ.—А когда мы пріѣдемъ въ Яссы? обратилась она къ кондуктору, сейчасъ же закачавшему головой въ знакъ непониманія. Пришлось повторить вопросъ по-нѣмецки.

— Вы и по-нѣмецки умѣете? спросила Столярова.

— Да, говорю немного, у меня мать была Нѣмка изъ Риги.

— Ахъ, а у меня много подругъ изъ Риги!... сказала Даша, смутилась и начала себя упрекать въ излишней откровенности.

Но нѣтъ, слава Богу, Вѣрочка ничего не поняла и даже, кажется, не разслышала, но все-таки надо что-нибудь добавить, объяснить.

— У моей тети была швейная мастерская, продолжаетъ Даша,—всѣ ея мастерицы были оттуда.

— А... равнодушно произноситъ Семенова и начинаетъ рыться въ мѣшкѣ, изъ котораго появляется корзинка съ замасленной бумагою, за ней слѣдуетъ бутылка и стаканъ.

— Не хотите ли закусить? предлагаетъ она сосѣдкѣ.

Въ бумагѣ оказываются бутерброды, а въ бутылкѣ холодный бульонъ. Обѣ начинаютъ ѣсть и пить. Мясо хорошее, масло свѣжее, не пахнетъ, ничѣмъ не отзывается, а бульонъ вкусенъ и крѣпокъ.

— У насъ въ больницѣ свои коровы, объявляетъ Вѣрочка,—вотъ кастелянъ и подарилъ мнѣ масла на дорогу.

— У меня гдѣ-то есть бутылка вина, я сейчасъ поищу, говоритъ Даша, стаскивая свой чемоданъ.

— Я не пью, благодарю васъ.

— Какъ не пьете? у меня мадера хорошая, сладкая.

— Я никогда вина...

— А какъ же тамъ то, когда будетъ холодно?

— Нѣтъ ужъ вы лучше выпейте, а то я подумаю что вы брезгуете моимъ угощеніемъ.

Обѣ пьютъ, Вѣрочка находитъ вино превкуснымъ; на видъ стаканъ малъ, но все жъ онъ больше рюмки; лица собесѣдницъ оживляются, разговоръ веселѣетъ и дружба растетъ..

Лазаретъ въ Парачинѣ. Зданіе маленькое съ низкими потолками, съ удушливымъ запахомъ хлора и іодоформа.

Раненые, кто на койкахъ, кто просто на полу. Доктора въ кожаныхъ передникахъ съ руками въ крови, сестры милосердія съ тазами и губками.

— Семенова! Пятьдесятъ первый началъ метаться, кричить докторъ.

— Столярова ужъ пошла къ нему, отвѣчаетъ Вѣрочка, а сама бѣжитъ къ лежащему на полу безрукому двадцатилѣтнему юношѣ.

— Сейчасъ ваша очередь, вотъ какъ съ тѣмъ покончатъ, такъ къ вамъ и придутъ. Что болитъ? Сильно болитъ? Дайте я васъ поверну.

Несчастный морщится, что-то мычить, въ глазахъ его сверкаетъ ненависть и злоба; онъ открываетъ ротъ и изливаетъ потокъ брани на Русскихъ, затѣявшихъ эту войну. Онъ не былъ калѣкою, могъ работать, а теперь что? И невѣста у него есть, осенью бы повѣнчался... Пойдетъ ли она теперь за него? Кому нуженъ безрукій, на что онъ годенъ?... И все Русскіе! жили Сербы съ Турками хорошо, нѣтъ на-жъ тебѣ, данай поссоримъ...

Семенова его успокоиваетъ, ласково смотритъ ему въ глаза, силится улыбнуться, но мыслями ли улыбка ея лицу?

Страдалецъ отворачивается и гнѣвно твердитъ:

— Пошли ко мнѣ другую, хорошенькую!

— И тутъ то же самое! Господи! за что? тихо шепчетъ Вѣрочка, рукою ползывая Дашу.

— Нѣтъ я здѣсь не останусь, что хотите, не останусь, объявляетъ Столярова, славая подругѣ ночное дежурство.—Ну что это за жизнь сидѣть, какъ въ тюрьмѣ и выйти нельзя, днемъ докторъ,

вечеромъ часовые да еще съ ружьями, совсѣмъ какъ въ острогѣ.

— На войнѣ всегда такъ, утѣшаетъ Семенова.

— Не за тѣмъ я ѣхала, чтобы попасть въ тюрьму? Я птица вольная, никому не подчинялась, ждала я совсѣмъ другаго.

— Въ больницахъ все такъ...

— Да вы привыкли. ну вамъ и кажется, что хорошо, а я не того ищу, я хочу, я хочу... ну, да мнѣ нуженъ воздухъ, поле, открытое поле,—шумъ, крики, пушки мнѣ нужны, сраженіе, раненные, которыхъ я сама бы подъ выстрѣлами поднимала, хочу, чтобы страшно мнѣ было, чтобы вся я дрожала. а тутъ что? Нѣтъ, нѣтъ Вѣрочка, слушайте, уйдемте отсюда, тутъ не жизнь, а могила, сырая, скверная, холодная.

А тамъ... спросите у всѣхъ, тамъ живутъ, а тутъ только кпснуть. И что лѣчать то больныхъ, которые уже выздоравливаютъ, не перевезли бы ихъ, кабы надежды не было: сами поправятся. Эко диво. сидѣть въ мирномъ городѣ за сто верстъ отъ войны и отъ нечего дѣлать вымывать грязныя уши этихъ чумичекъ, да еще слушать ихъ брань... вчера хотѣла я выйти на улицу, ну погулять вздумала, нѣтъ, не тутъ-то было, часовой окликнулъ, а тамъ кастелянъ, а за нимъ докторъ, хотѣла-то я просто кофе попить: капитанъ русскій звалъ, такой красивый, вѣжливый... ну и не пришлось. Душечка, Вѣрочка, милая моя, уйдемте!

— Куда?

— Да туда, гдѣ войска... хорошо тамъ, и сраженія бывають, жизнь другая и показать себя можно, а то мы тутъ, какъ трусики за стѣнами сидимъ. Милая пойдите! Я умру здѣсь, ей Богу умру отъ скуки, не того я ждала, тамъ мы будемъ впереди, сами раненыхъ подбирать станемъ, кого напоимъ, кого наскоро перевяжемъ, а пули летаютъ, сердце щемить и трясешься, и боишься, такъ страшно, самое убить могутъ.

— Хорошо, чудо какъ хорошо! А потомъ радость, всѣ возвращаются, побѣдили, лица веселыя, идутъ и кричатъ „молодцы сестрицы, пуль не бойтесь“, и на душѣ становится такъ легко, отрадно. Поѣдьте, милая!

И Семенова соглашается, идетъ къ начальству, просить, хлопочетъ, къ ея желанію свисходять—охотницъ до такихъ подвиговъ вѣдь немного.

— Одна сестра убита, другая заболѣла, такъ вотъ двѣ вакансіи и есть, объявляетъ она подругѣ.

— Ахъ, какъ это хорошо! вскрикиваетъ та.

— Даша, Богъ съ вами, что вы говорите!

— Да я не о сестрахъ, а о томъ, что можно вѣхать. Сестры. Богъ съ ними! .

Долина, холмъ спереди, гора сзади, на холмѣ батарея, долина вся въ зелени, гдѣ дубъ растетъ, гдѣ истоптанный солдатской ногой виноградникъ, а тамъ дальше серебристой лентой вьется горный потокъ, за нимъ что-то черное, неясное, какія-то

груды камня и угля и несутъ отъ нихъ гарью, паленымъ, чѣмъ-то затхлымъ. У рѣки землянка и пять шалашей, изъ трубы землянки вырывается столбъ густаго бѣлаго дыма и прямо несется вверхъ, окутывая воткнутый въ крышу шестъ съ неподвижно висѣщимъ флагомъ краснаго креста. Воздухъ неподвиженъ: ни одинъ листокъ не шелочнется, солнце свѣтитъ ярко, привѣтливо, а вокругъ землянки, мѣрно усиливаясь, распространяется запахъ вареной капусты, щей, не сербскихъ, а чисто русскихъ, солдатскихъ. И перевязочный пунктъ этотъ не сербскій, а русскій, все въ немъ наше: доктора, фельдшера, сестры и отпущенныя на него деньги, а главное водка Попова, даръ московскаго купечества на восстановление силъ больныхъ и раненыхъ. Кто не заболѣетъ, когда есть такое лѣкарство? И болѣли многіе, кто лихорадкою, кто животомъ, кто зубами... ну доктора и лѣчили, какъ не помочь страдальцамъ, средства вѣдь хватитъ на всѣхъ. „Ихъ степенства“, Москвичи не скупы, пришлютъ еще!

На порогѣ одного изъ шалашей сидятъ Семёнова и Столярова: у обѣихъ иглы въ рукахъ, а на колѣняхъ растянута сербская куртка съ оторваннымъ карманомъ и дырявыми локтями.

Сестры кроютъ и штопаютъ, поминутно отрывая глаза отъ работы, чтобы взглянуть на дорогу...

— Господи, какъ ѣсть хочется, объявляетъ Вѣрочка.

— И мыѣ тоже. Что же они не идутъ? говорить Даша.

— Работы еще не кончены, тамъ дальше батарею строить.

— Когда же въ дѣло то пойдутъ?

— Кто же можетъ это знать.

— Пора бы, сидишь, сидишь и ничего не дѣлаешь.

— Даша, душечка, тѣмъ лучше, что хорошаго въ войнѣ, за что губить людей?

— Ахъ нѣтъ, я бы хотѣла. сама пошла бы впередъ.

— Любить надо ближняго, а не убивать его.

— Да, я люблю, иначе не пошла бы... Идутъ! Слава тебѣ, Господи!

Дѣйствительно по откосу холма спускались трое офицеровъ.

— Слушайте, Даша, не сердитесь только, шепотомъ заговорила Семенова,—вы, Бога ради, держите себя поосторожнѣе, сестрамъ такъ не годится, вѣдь могутъ увидѣть, вотъ хоть вчера: хорошо что, пришивая Михайлову пуговицу, я повернула его къ вамъ спиною, а то бы вѣрно онъ увидалъ.

— Какъ я поцѣловала Ефимовича, эка бѣда!

— Ахъ, Даша! оно, можетъ быть, и не бѣда, только не здѣсь, не тогда, когда вы въ этомъ платьѣ.

— Вотъ еще! мыѣ все равно.

— Нехорошо, говорить будутъ, докторъ узнаетъ.

— Онъ самъ все около меня вертится.